

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И. В. ТКАЧЁВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Дается определение коммуникативной компетентности в рамках психологии. Анализируется соотношение коммуникативной компетентности и способностей, а также личностных качеств. Уточняется ее место в системе психологических характеристик, влияющих на коммуникативное поведение человека. Характеризуется компонентный состав коммуникативной компетентности в совокупности когнитивного, эмоционального, поведенческого и мотивационного компонентов. Социальный, эмоциональный интеллект, а также мотив аффилиации рассматриваются в структуре коммуникативной компетентности. Представлены методики измерения компонентов компетентности.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; социальный интеллект; эмоциональный интеллект; мотив аффилиации; компетентность; коммуникация; компоненты коммуникативной компетентности.

COMPONENT COMPOSITION OF COMMUNICATION COMPETENCY AND ITS MEASUREMENT

I. V. TKACHOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This paper defines communication competency in the framework of psychology. The relationship of communication competency with capacities and personal traits is analysed, and also its place in the system of psychological characteristics influencing communicative behaviour is clarified. The component composition of communication competency in the set of cognitive, emotional, behavioural and motivational components is characterised. Phenomena of social, emotional intelligence, the affiliation motive are considered in the structure of communication competency. The methods for measuring the above components of competency are presented.

Keywords: communication competency; social intelligence; emotional intelligence; affiliation motive; competency; communication; components of communication competency.

Введение

Коммуникативная компетентность является сложным междисциплинарным феноменом, охватывающим различные аспекты, влияющие на успешность коммуникативного поведения человека. Данное понятие изучается в рамках психологии, педагогики,

социологии, лингвистики и других наук. Междисциплинарный статус коммуникативной компетентности указывает на большой интерес исследователей к проблемам эффективности коммуникации. Такой интерес вполне закономерен: коммуникация

Образец цитирования:

Ткачёв ИВ. Компонентный состав коммуникативной компетентности и ее измерение. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;2:85–92.

For citation:

Tkachov IV. Component composition of communication competency and its measurement. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;2:85–92. Russian.

Автор:

Иван Валентинович Ткачёв – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Г. А. Фофанова.

Author:

Ivan V. Tkachov, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
tkachovivan13@gmail.com

охватывает все сферы социального функционирования людей, в связи с чем способность к эффективному общению определяет благополучие человека.

Можно выделить два основных подхода к пониманию коммуникативной компетентности в психологии и педагогике – ситуационный и диспозиционный. Ситуационный подход отражается в модели, предложенной Б. Шпицбергом и В. Купачом, в рамках которой подчеркивается оценочная природа коммуникативной компетентности. Она трактуется как субъективное впечатление об уместности и эффективности коммуникативного поведения субъекта в конкретной ситуации [1]. В модель коммуникативной компетентности включены когнитивный (знания), мотивационный (ориентация на поиск или избегание коммуникации, а также стремление к компетентной коммуникации) и поведенческий (коммуникативные навыки) компоненты [2]. Они влияют на коммуникативное поведение субъекта, что позволяет окружающим судить о степени его коммуникативной компетентности. В рамках ситуационного подхода для измерения коммуникативной компетентности используются самоотчетные шкалы. Их может заполнять как оцениваемый субъект, так и его партнер по взаимодействию или сторонний наблюдатель в целях выявления их впечатления о коммуникативной компетентности субъекта.

В настоящей работе исследуемый феномен рассматривается в рамках диспозиционного подхода, в котором коммуникативная компетентность понимается как относительно стабильное межситуационное психологическое образование. Для ее оценки анализируются самоотчеты субъектов только об их собственных коммуникативных качествах. Разнообразные методологические позиции к исследованию коммуникативной компетентности в рам-

ках данного подхода, а также различные контексты, в которых она рассматривается, привели к большому количеству определений и структурных моделей, вариаций компонентов данного феномена, наборов методик для его измерения. Большинство авторов единогласны в том, что коммуникативная компетентность является психологическим образованием, включающим в себя знания, умения и навыки в сфере коммуникации, а также мотивационные факторы, способствующие эффективному взаимодействию с другими людьми. Многие ученые дополнительно включают в состав феномена личностные качества, влияющие на коммуникативное поведение субъекта, или рассматривают саму коммуникативную компетентность как личностное качество (Е. С. Гричановская, И. А. Зимняя, А. С. Никулина, О. Ю. Шубкина). Кроме того, как компоненты компетентности могут рассматриваться коммуникативные способности (И. Н. Зотова, Е. В. Сидоренко).

Противоречия в понимании феномена коммуникативной компетентности приводят к рассогласованности исследований, затрудняют их сравнение, систематизацию данных для получения целостной картины об имеющихся разработках в этой области. Все вышеперечисленное позволяет вести дальнейшие исследования по уточнению как самого понятия коммуникативной компетентности, так и его структурных компонентов. Таким образом, цель настоящего исследования – охарактеризовать компонентный состав коммуникативной компетентности. Для ее достижения необходимо уточнить место коммуникативной компетентности в системе других психологических характеристик, влияющих на коммуникативное поведение человека. Также в статье представлены методики для измерения установленных компонентов коммуникативной компетентности.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили работы по проблематике коммуникативной компетентности, а также смежных с ней феноменов отечествен-

ных и зарубежных авторов. В качестве метода исследования был использован метод теоретического анализа.

Результаты и их обсуждение

Стоит отметить, что категория «компетентность» развивается в рамках компетентностного подхода в образовании, который пришел на смену знаниево-ориентированной парадигме. В соответствии с ним целью образования является формирование у обучаемых различных компетентностей, совокупности «знаний в действии» [3, с. 25], направленных на решение практико-ориентированных задач. Таким образом, коммуникативная компетентность часто рассматривается в контексте определенной профессиональной деятельности как психологическое образование, которым должен обладать специалист той или иной профессии. Этим обусловлено включе-

ние личностных качеств в состав коммуникативной компетентности: специфика той или иной профессии требует обладания определенными личностными свойствами для достижения целей деятельности. Поэтому в различных исследованиях коммуникативную компетентность могут характеризовать такими личностными качествами, как доброжелательность, справедливость, бесконфликтность (И. Б. Бичева и др. [4]), жизнерадостность (М. В. Чихачёв [5]) и т. д. Автор настоящей статьи считает, что данные качества характеризуют не саму коммуникативную компетентность, а, скорее, соответствие личностных свойств требованиям той или иной профессии, кос-

венным образом регулирующих коммуникативное поведение субъекта. Перед тем как перейти к характеристике компонентного состава исследуемого феномена, необходимо обозначить место коммуникативной компетентности в системе психологических характеристик, влияющих на коммуникативное поведение. В частности, важен вопрос соотношения между коммуникативной компетентностью и личностными качествами, а также способностями.

Б. М. Теплов выделил основные характеристики способностей. Во-первых, способности подразумевают под собой индивидуально-психологические особенности, отличающие людей друг от друга. Во-вторых, они относятся к тем психологическим характеристикам, которые способствуют успешному выполнению какой-либо деятельности. В-третьих, способности не сводимы к уже приобретенным и сформированным знаниям, умениям и навыкам человека [6, с. 99]. Последний пункт указывает на различие между способностями и компетентностью, являющейся более широким феноменом, в который, помимо самих способностей, всегда включают актуальный, уже сформированный запас знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения той или иной деятельности (И. А. Зимняя, Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, Б. Шпицберг, В. Купач).

В. Д. Шадриков, опираясь на труды С. Л. Рубинштейна, предлагает определять способности как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности [7, с. 18]. Далее, связывая способности с функциональными системами, В. Д. Шадриков, основываясь на работах Б. Г. Ананьева, исследует функциональные, операционные и мотивационные механизмы осуществления и развития психических функций. В соответствии с этим предлагается рассматривать способности в трех измерениях: способности индивида, субъекта деятельности и личности.

Функциональные механизмы относятся к природной организации человека и представляют собой нейрофизиологические структуры, осуществляющие филогенетическую программу реализации той или иной психической функции. Способности на данном уровне характеризуют человека как индивида. Если рассматривать коммуникативную компетентность в данном контексте, то способности индивида выступают в качестве предпосылки формирования компетентности.

Операционные механизмы формируются на базе функциональных и приобретаются в процессе социализации индивида, носят конкретно-исторический характер. Они подразумевают интеллектуализацию способностей в конкретной деятельности, которая

понимается как формирование интеллектуальных операций, алгоритмов и программ, умственных навыков, необходимых для решения различных задач. Между функциональными и операционными механизмами существует взаимосвязь. Без определенного уровня развития первых невозможно дальнейшее формирование вторых. В свою очередь, развитие операционных механизмов способствует прогрессированию функциональных. В этом контексте способности характеризуют человека как субъекта деятельности. На данном уровне можно говорить непосредственно о коммуникативной компетентности, которая формируется при приобретении опыта взаимодействия с другими людьми, обучении, освоении профессиональной деятельности и ее осуществлении. В процессе жизнедеятельности происходит интеллектуализация способностей, что позволяет субъекту хорошо ориентироваться в коммуникативной ситуации, гибко реагировать на изменения, происходящие в ней, а также принимать решения в соответствии с поставленными целями. Сюда же можно отнести приобретаемые знания, умения и навыки межличностного взаимодействия.

Мотивационные механизмы относятся к нравственно-ценностным, этическим характеристикам человека, регулирующим его развитие. На данном уровне речь идет о способностях личности, тесно связанных с ее переживаниями. Это способности индивида и субъекта деятельности, поставленные под нравственный контроль человека. Применительно к исследуемому феномену в данном контексте можно говорить об устойчивых личностно-коммуникативных качествах субъекта или коммуникативной компетентности, опосредованной личностными чертами. На данном уровне коммуникативная компетентность рассматривается в той или иной профессиональной деятельности, требующей от субъекта наличия определенных личностно-коммуникативных качеств. В таком случае речь будет идти о профессиональной коммуникативной компетентности.

Исходя из вышеизложенного, способности могут рассматриваться и как природные предпосылки, на базе которых формируется коммуникативная компетентность (способности индивида), и как сформированные прежде всего умственные навыки, входящие в состав коммуникативной компетентности (способности субъекта деятельности). К последним относятся феномены социального и эмоционального интеллекта.

Таким образом, коммуникативная компетентность – это интегративная система способностей, знаний, умений и навыков в области межличностного взаимодействия, обеспечивающая ситуативную гибкость и адаптивность коммуникативного поведения субъекта и способствующая достижению поставленных им коммуникативных целей. Исходя из данного определения, степень достижения субъектом

поставленных коммуникативных целей характеризует эффективность или успешность коммуникативного поведения.

Вопрос о включении в состав коммуникативной компетентности личностных качеств следует рассматривать в ракурсе их содействия или препятствия коммуникативному поведению, способствующему достижению поставленных субъектом целей. Поскольку автор настоящей статьи рассматривает коммуникативную компетентность вне рамок какой-либо профессиональной деятельности, он не включает в ее состав этические характеристики и качества, подразумевающие неоднозначное или опосредованное влияние на коммуникативное поведение, способствующее достижению поставленных целей. Таким образом, часто применяемые исследовательские инструменты для измерения коммуникативной компетентности, включающие подобные качества (опросники КОСКОМ (коммуникативная и социальная компетентность), СУМО (саморегуляция и успешность межличностного общения) В. Н. Куницыной), не подходят для настоящего анализа.

Тем не менее многочисленные исследования указывают на то, что эффективному общению препятствует состояние тревоги (Т. Фриман, К. Р. Сойер, Р. Р. Бенке, А. Н. Финн). Поэтому среди личностных качеств, однозначно оказывающих негативное влияние на эффективность общения, можно назвать диспозиционную тревожность, которая также связана с мотивационной составляющей коммуникативной компетентности. В связи с этим допускается рассмотрение черты тревожности в составе коммуникативной компетентности.

Исходя из вышеописанного, коммуникативная компетентность является интегральным феноменом, вбирающим в себя способности, задействованные в коммуникативном процессе. Подчеркивая в определении компетентности фактор эффективности коммуникативного поведения (степень достижения целей), автор настоящей статьи допускает включение в состав исследуемого феномена тревожности, которая непосредственным образом влияет на эффективность коммуникативного поведения. Иные личностные черты индивида, связанные с межличностным взаимодействием (например, бесконфликтность, доброжелательность, справедливость и т. п.), относятся к другому уровню анализа, в рамках которого коммуникативная компетентность рассматривается через призму личностных особенностей человека.

Основываясь на представлениях о межличностной коммуникации, общении как о многоуровневом явлении, в ходе которого происходят обмен информацией, чувствами, взаимное познание, воздействие субъектов друг на друга через вербальные и невербальные средства или каналы коммуникации (Б. Г. Ананьев, Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, Б. Ф. Ло-

мов), а также на понимании феномена коммуникативной компетентности как интегративного образования, имеющего сложную структуру, включающую когнитивно-аффективные и поведенческие аспекты, влияющие на коммуникативное поведение субъекта в процессе взаимодействия (Л. А. Петровская, И. А. Зимняя, И. Н. Зотова, Б. Шпицберг, В. Купач), в модель коммуникативной компетентности были включены четыре компонента, в которых репрезентируется интегративный характер данного феномена, – когнитивный, эмоциональный, мотивационный и поведенческий.

Когнитивный компонент коммуникативной компетентности составляет основу для познания и понимания себя и других людей, ситуаций социального взаимодействия, с чем связано понятие социального интеллекта. В рамках данного исследования ориентируясь на подход Д. В. Ушакова, социальный интеллект рассматривается как специфический вид интеллекта, составляющий способность к пониманию социальных явлений и представляющий собой один из компонентов компетентности [8, с. 18]. В качестве составной части компетентности его рассматривают также Е. А. Капустина, Н. Ф. Калина, О. В. Михайлова, В. В. Солодухо, Е. О. Смирнова, Е. В. Калягина. Связь данных феноменов отмечают и зарубежные авторы, например Л. К. Уилкинсон, Пак Сук Кён, Ян Я Ки, Сон Ынджу.

Близким к социальному интеллекту феноменом, связанным с эмоциональной стороной коммуникативного процесса, является эмоциональный интеллект. Согласно Д. В. Люсину эмоциональный интеллект определяется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [9, с. 6]. Связь данного феномена с коммуникативной компетентностью отмечают И. Н. Андреева, Т. В. Белашина и С. В. Леленко, З. А. Саидов, Н. У. Ярычев, И. А. Локтионова, Е. В. Милославская, А. Рахмавати, В. Рохман, А. Бавоно, Н. Ирхами, А. Виджая, Ф. Шаббир, К. Исхак.

Представленный выше подход к определению понятий социального и эмоционального интеллектов тяготеет к когнитивно-ориентированной традиции. Однако данные феномены связывают с успешностью социального функционирования. Это отражается в моделях социального и эмоционального интеллекта, включающих в себя поведенческие характеристики, а в некоторых случаях и личностные качества, способствующие успешному социальному взаимодействию. Интеллект всегда подразумевает под собой характеристику когнитивных способностей. В настоящей статье социальный и эмоциональный интеллект рассматриваются как виды интеллекта. В соответствии с этим они характеризуют прежде всего когнитивно-аффективные способности человека в рамках социального взаимодействия. Компетентность же относится непосредственно к эффективности человека в какой-либо деятельности

и всегда включает в себя поведенческие аспекты. Кроме этого, коммуникативная компетентность характеризуется мотивационными факторами, отражающими готовность субъекта к коммуникативному взаимодействию и актуализации компетентности (С. П. Морреале, Б. Шпицберг, К. Бардж, И. А. Зимняя). Таким образом, социальный и эмоциональный интеллект являются базовыми компонентами коммуникативной компетентности, обуславливающими ее развитие и функционирование.

Социальный и эмоциональный интеллекты имеют зону пересечения – социальное взаимодействие. Различия между ними будут состоять в основной направленности познания. Н. А. Батурин и Л. Г. Матвеева проводят разграничения между данными феноменами. Для эмоционального интеллекта объектами социального познания являются переживания, эмоции и чувства других людей и самого субъекта познания (все, что связано с эмоциональной сферой); для социального – социальные интерактивные отношения и взаимодействие в больших группах, в том числе собственные отношения субъекта познания. Главные объекты познания для эмоционального интеллекта – субъект-объектные отношения и часть субъект-субъектных отношений, относящихся к эмоциональному уровню межличностного взаимодействия; для социального – субъект-субъектные отношения и часть субъект-объектных отношений, участвующих в социальном взаимодействии. На результативность социального интеллекта влияют уровень развития когнитивно-аффективного понимания межличностных отношений и себя как субъекта подобных отношений, осознание причин управления своим социально-ориентированным поведением и отношениями между другими людьми; на результативность эмоционального – уровень развития когнитивного и интенсивного познания специфических объектов: эмоциональных процессов, чувств, побуждения, поведения, вызванного своими переживаниями [10, с. 6]. Таким образом, социальный интеллект является общей основой для познания явлений в обществе, а эмоциональный интеллект отвечает за уровень включенности в эмоциональную сферу, осознание важности эмоций для понимания себя самого и партнеров по взаимодействию.

Норвежские ученые Д. Сильвера, М. Мартинуссени и Т. Даль поставили задачу разработать методику измерения социального интеллекта, учитывающую различные подходы в толковании данного феномена. В результате, основываясь на имплицитных теориях о данном конструкте, был получен самоотчетный опросник, состоящий из 21 утверждения и 3 шкал: обработка социальной информации (общая способность понимать вербальные и невербальные, скрытые и явные сообщения, предсказывать поведение и реакции других людей), социальные навыки

(способность входить в новую ситуацию общения, приспосабливаться к ней, выстраивать диалог с другими людьми) и социальное осознание (способность к адекватной ориентировке в социальной ситуации и ее анализу) [11]. Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с утверждениями по шкале от 1 (совершенно на меня не похоже) до 7 (описывает меня очень хорошо). Авторы методики отмечают, что шкалы «обработка социальной информации» и «социальное осознание» относятся к когнитивным аспектам, а шкала «социальные навыки» – к поведенческим. Таким образом, показатели по двум первым шкалам можно рассматривать в качестве общей когнитивной базы, необходимой для компетентного участника общения. Шкалу «социальные навыки» можно отнести к поведенческому компоненту коммуникативной компетентности.

Стоит отметить, что данная методика приобрела большую популярность в зарубежных исследованиях за счет своей простоты и хороших психометрических показателей. Шкала социального интеллекта *Tromso* была адаптирована на корейской (Пак Сук Кён, Ян Я Ки, Сон Ынджу), австралийской (Р. Грив, Д. Махар), турецкой (Т. Доган, Б. Четин), итальянской (Дж. Джини), словацкой и чешской (З. Маковска, М. Кентос) выборках. Во всех работах подтвердилась трехфакторная структура модели. В русскоязычном пространстве на выборке школьников методику адаптировали В. В. Шевелев [12], а также А. Д. Наследов и В. Ю. Семенов [13]. Позже А. Д. Наследов совместно с А. Н. Шамаевым провели исследование группы студентов, по результатам которого была выявлена трехфакторная структура, практически полностью соответствующая норвежскому оригиналу опросника. Также были подтверждены валидность и надежность методики [14].

Популярным инструментом для измерения эмоционального интеллекта в русскоязычном пространстве является опросник, разработанный Д. В. Люсиным. Он определяет эмоциональный интеллект как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [9, с. 6]. Исходя из этого, Д. В. Люсин рассматривает два вида эмоционального интеллекта: внутриличностный и межличностный. Так, методика включает в себя четыре основные шкалы: межличностный эмоциональный интеллект (способность к пониманию эмоций других людей и управлению ими), внутриличностный эмоциональный интеллект (способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими), понимание эмоций, управление эмоциями. Он также включает пять субшкал: понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии. Опросник обладает достаточно высокой надежностью. Он состоит из 46 утверждений. Респондентам предлагается

оценить степень своего согласия с ними по шкале от 1 до 4 (1 – совсем не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – скорее согласен, 4 – полностью согласен).

Шкалы «понимание своих эмоций», «понимание чужих эмоций» рассматриваются автором данной статьи в качестве показателей эмоционального компонента коммуникативной компетентности. Они измеряют способность к распознаванию и идентификации своих эмоций, пониманию причин их возникновения, к вербальному описанию этих эмоций; способность к пониманию эмоционального состояния другого человека на основе внешних проявлений эмоций (мимика, жестикуляция, звучание голоса) и (или) интуитивно; чуткость к внутренним состояниям других людей [15]. Шкалы «управление своими эмоциями», «управление чужими эмоциями» и «контроль экспрессии» относятся к поведенческому компоненту коммуникативной компетентности и рассматриваются в качестве показателей сформированности умений и навыков воздействия на партнера по общению, а также в качестве показателей эмоциональной саморегуляции и самоконтроля.

Таким образом, поведенческий компонент коммуникативной компетентности включает умения и навыки межличностного взаимодействия, позволяющие входить в новую ситуацию общения, приспособляться к ней, выстраивать диалог с другими людьми; умения и навыки эмоциональной и экспрессивной саморегуляции, которые позволяют управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные, контролировать внешние проявления своих эмоций; умения и навыки воздействия на эмоциональную сферу собеседника, позволяющие вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций [15].

Как уже отмечалось, коммуникативная компетентность зависит от мотивационных факторов. В этом контексте могут рассматриваться особенности социального поведения, связанные со стремлением или готовностью субъекта к общению либо, наоборот, с его опасением и избеганием [16]. В этом отношении интересны конструкты, разработанные А. Меграбяном, – аффилиативная тенденция и чувствительность к отвержению. Он создал шкалы для их измерения [17]. Оба конструкта описывают особенности мотива аффилиации. Это понятие можно определить как стремление человека устанавливать, поддерживать или возобновлять эмоционально позитивные отношения с другими людьми или группами людей [18, р. 212]. Аффилиативная тенденция предполагает наличие у субъекта обобщенных позитивных ожиданий от социальных отношений (ожидание того, что социальное взаимодействие в целом будет позитивное и приятное). Люди, у которых выражена аффилиативная тенденция, общительны,

уверены в себе, не избегают социальных контактов и не испытывают тревогу при общении с другими. Чувствительность к отвержению, в свою очередь, определяется в терминах обобщенных негативных социальных ожиданий: страх и опасение, что взаимодействие с другими приведет к отвержению, дискомфорту и страданиям. Люди с выраженной чувствительностью к отвержению менее ассертивны, более тревожны при взаимодействии, склонны к подчинению и могут избегать социальных контактов [19]. Можно сказать, что аффилиативная тенденция характеризует степень готовности к общению, определяя тем самым развитие и уровень сформированности коммуникативной компетентности, возможность ее актуализации. Высокая чувствительность к отвержению провоцирует тревогу. Это мешает эффективности коммуникативного поведения субъекта и заставляет его избегать социальных контактов, что препятствует получению опыта межличностного взаимодействия и развитию коммуникативной компетентности. Таким образом, данные конструкты характеризуют то, насколько субъект ориентирован на приближение к ситуациям общения или, наоборот, отдаление от них. Кроме того, они позволяют оценить степень тревожности субъекта, связанной с общением.

А. Меграбян приводит данные о высокой ретестовой надежности, независимости шкал по отношению друг к другу (отсутствие корреляции), а также независимости шкал от фактора социальной желательности. На русскоязычной выборке методика была адаптирована и модифицирована М. Ш. Магомед-Эминовым в 1987 г. в рамках диссертационной работы. Соответственно, она состоит из двух шкал: стремление к принятию (аффилиативная тенденция) и страх отвержения (чувствительность к отвержению). Респондентам предлагается выразить степень своего согласия с утверждениями от +3 до –3 (+3 – полностью согласен; +2 – согласен; +1 – скорее согласен, чем не согласен; 0 – нейтрален; –1 – скорее не согласен, чем согласен; –2 – не согласен; –3 – полностью не согласен). По результатам исследования шкалы методики показали высокие внутреннюю согласованность и ретестовую надежность.

Таким образом, в качестве структурных компонентов коммуникативной компетентности рассматриваются социальный и эмоциональный интеллект, а также особенности мотива аффилиации, отвечающие за приближение субъекта к ситуациям межличностного взаимодействия или, наоборот, отдаление от них. Указанные составляющие характеризуют коммуникативную компетентность как сложный интегративный феномен и образуют ее когнитивный, эмоциональный, мотивационный и поведенческий компоненты.

Итоговое определение коммуникативной компетентности можно сформулировать следующим

образом: коммуникативная компетентность – это интегративное психологическое образование, включающее способности, обеспечивающие познание социальных явлений, понимание эмоций и управ-

ление ими, а также мотивацию общения с другими людьми и коммуникативное поведение, способствующее достижению поставленных субъектом коммуникативных целей.

Заключение

В концептуальном поле коммуникативной компетентности находятся феномены способностей и личностных качеств. В соответствии с теорией В. Д. Шадрикова коммуникативную компетентность можно рассматривать на трех уровнях: индивида, субъекта деятельности и личности. На уровне индивида существуют способности, являющиеся природной предпосылкой развития коммуникативной компетентности. На уровне субъекта деятельности находится непосредственно коммуникативная компетентность, от которой зависит степень достижения поставленных субъектом коммуникативных целей при взаимодействии. На уровне личности коммуникативную компетентность можно рассматривать в рамках определенной профессиональной деятельности, имеющей свои требования к личностным качествам специалиста. В таком случае данный феномен анализируется в совокупности со специфическими личностными качествами, влияющими на коммуникативное поведение субъекта. Коммуникативная компетентность в общем виде (вне рамок какой-либо профессии) включает в себя способности, знания, умения и навыки, от-

носящиеся к сфере межличностного взаимодействия, и мотивационные факторы, характеризующие готовность к вступлению в коммуникацию с другими людьми.

Коммуникативная компетентность состоит из когнитивного, эмоционального, поведенческого и мотивационного компонентов. В качестве когнитивного и эмоционального компонентов коммуникативной компетентности рассматриваются социальный и эмоциональный интеллект. Умения и навыки межличностного взаимодействия, саморегуляции и самоконтроля образуют поведенческий компонент коммуникативной компетентности. Как показатели развития и сформированности коммуникативной компетентности также рассматриваются особенности мотива аффилиации (мотивационный компонент): аффилиативная тенденция (обобщенные позитивные ожидания от социального взаимодействия, которые характеризуют общительных и уверенных людей) и чувствительность к отвержению (обобщенные негативные ожидания от социального взаимодействия, провоцирующие тревогу и избегание социальных контактов).

Библиографические ссылки

1. Spitzberg BH. Communication competence as knowledge, skill, and impression. *Communication Education*. 1983;32(3): 323–329. DOI: 10.1080/03634528309378550.
2. Spitzberg BH. (Re)Introducing communication competence to the health professions. *Journal of Public Health Research*. 2013;2(3):125–135. DOI: 10.4081/jphr.2013.e23.
3. Зеер Э, Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования. *Высшее образование в России*. 2005;4:23–30.
4. Бичева ИБ, Вершинина АЮ, Шарова ТИ, Степаненкова АВ, Росточкина ЕС. Проблемы и перспективы повышения коммуникативной компетентности педагога. *Современные наукоемкие технологии*. 2020;11(часть 2):337–341. DOI: 10.17513/snt.38384.
5. Чихачёв МВ. Роль коммуникативной компетентности в процессе социально-психологической адаптации военнослужащих. *Ярославский психологический вестник*. 2016;35:51–57.
6. Теплов БМ. Способности и одаренность. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*. 2014;4:99–105.
7. Шадриков ВД. К новой психологической теории способностей и одаренности. *Психологический журнал*. 2019; 40(2):15–26.
8. Ушаков ДВ. Социальный интеллект как вид интеллекта. В: Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. *Социальный интеллект: теория, измерение, исследования*. Москва: Институт психологии РАН; 2004. с. 11–28.
9. Люсин ДВ. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*. 2006;4:3–22.
10. Батурин НА, Матвеева ЛГ. Социальный и эмоциональный интеллект: мифы и реальность. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*. 2009;42:4–10.
11. Silvera D, Martinussen M, Dahl TI. The Tromsø social intelligence scale, a self-report measure of social intelligence. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2001;42(4):313–319. DOI: 10.1111/1467-9450.00242.
12. Шевелев ВВ. Психометрическое обоснование опросника «Шкала социального интеллекта Тромсо» («The Tromsø social intelligence scale», TSIS) на выборке городских подростков. *Научное мнение*. 2016;16:144–156.
13. Наследов АД, Семенов ВЮ. Модификация шкалы социального интеллекта tromsø для российских школьников. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2015;4:5–21.
14. Наследов АД, Шамаев АН. Адаптация шкалы социального интеллекта Tromsø для российских студентов-психологов. В: Заширинская ОВ, Шаболтас АВ, редакторы. *Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные*

исследования. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции молодых ученых; 18–20 апреля 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия. Том 2. Санкт-Петербург: Скифия-принт. 2017. с. 296–301.

15. Люсин ДВ. Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные. В: Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям. Москва: Институт психологии РАН; 2009. с. 264–278.

16. Sawyer CR, Richmond VP. Motivational factors and communication competence. In: Hannawa AF, Spitzberg BH, editors. *Communication Competence*. Berlin: De Gruyter Mouton; 2015. p. 193–212. DOI: 10.1515/9783110317459-009.

17. Mehrabian A. The development and validation of measures of affiliative tendency and sensitivity to rejection. *Educational and Psychological Measurement*. 1970;30(2):417–428. DOI: 10.1177/001316447003000226.

18. Heyns R, Veroff J, Atkinson J. A scoring manual for the affiliation motive. In: Smith C, editor. *Motivation and personality: handbook of thematic content analysis*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. p. 211–223. DOI: 10.1017/CBO9780511527937.015.

19. Mehrabian A. Evidence bearing on the affiliative tendency (MAFF) and sensitivity to rejection (MSR) scales. *Current Psychology*. 1994;13(2):97–116. DOI: 10.1007/BF02686794.

References

1. Spitzberg BH. Communication competence as knowledge, skill, and impression. *Communication Education*. 1983;32(3): 323–329. DOI: 10.1080/03634528309378550.

2. Spitzberg BH. (Re)Introducing communication competence to the health professions. *Journal of Public Health Research*. 2013;2(3):125–135. DOI: 10.4081/jphr.2013.e23.

3. Zeer E, Symanyuk E. [Competency-based approach to modernising professional education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2005;4:23–30. Russian.

4. Bicheva IB, Verzhinina AY, Sharova TI, Stepanenkova AV, Rostokina ES. Challenges and prospects for improving the communicative competence of the teacher. *Modern High Technologies*. 2020;11(part 2):337–341. Russian. DOI: 10.17513/snt.38384.

5. Chikhachev MV. Role of communicative competence in the process of socio-psychological adaptation of servicemen. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik*. 2016;35:51–57. Russian.

6. Teplov BM. Talented and gifted. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2014;4: 99–105. Russian.

7. Shadrikov VD. To new psychological theory of abilities and giftedness. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019;40(2):15–26. Russian.

8. Ushakov DV. [Social intelligence as a type of intelligence]. In: Lyusin DV, Ushakov DV, editors. *Sotsial'nyi intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: theory, measurement, and research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2004. p. 11–28. Russian.

9. Lyusin DV. [A new method for measuring emotional intelligence: the EmIn questionnaire]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2006;4:3–22. Russian.

10. Baturin NA, Matveeva LG. [Social and emotional intelligence: myths and reality]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»*. 2009;42:4–10. Russian.

11. Silvera D, Martinussen M, Dahl TI. The Tromsø social intelligence scale, a self-report measure of social intelligence. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2001;42(4):313–319. DOI: 10.1111/1467-9450.00242.

12. Shevelev VV. Psychometric reasoning of «the Tromsø social intelligence scale» questionnaire based on the city teenagers sample. *Nauchnoe mnenie*. 2016;16:144–156. Russian.

13. Nasledov AD, Semenov VY. Modification of the Tromsø social intelligence scale for the Russian school pupils. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2015;4:5–21. Russian.

14. Nasledov AD, Shamaev AN. [Adaptation of the Tromsø social intelligence scale for Russian psychology students]. In: Zashchirinskaya OV, Shaboltas AV, editors. *Psikhologiya XXI veka: sistemnyi podkhod i mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh; 18–20 aprelya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Tom 2* [Psychology of the 21st century: a systematic approach and interdisciplinary research. Collection of scientific papers of the participants of the International scientific conference of young scientists; 2017 April 18–20; Saint Petersburg, Russia. Volume 2]. Saint Petersburg: Skifiya-print; 2017. p. 296–301. Russian.

15. Lyusin DV. [EmIn emotional intelligence questionnaire: new psychometric findings]. In: Lyusin DV, Ushakov DV, editors. *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from process to measurement]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2009. p. 264–278. Russian.

16. Sawyer CR, Richmond VP. Motivational factors and communication competence. In: Hannawa AF, Spitzberg BH, editors. *Communication Competence*. Berlin: De Gruyter Mouton; 2015. p. 193–212. DOI: 10.1515/9783110317459-009.

17. Mehrabian A. The development and validation of measures of affiliative tendency and sensitivity to rejection. *Educational and psychological measurement*. 1970;30(2):417–428. DOI: 10.1177/001316447003000226.

18. Heyns R, Veroff J, Atkinson J. A scoring manual for the affiliation motive. In: Smith C, editor. *Motivation and personality: handbook of thematic content analysis*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. p. 211–223. DOI: 10.1017/CBO9780511527937.015.

19. Mehrabian A. Evidence bearing on the affiliative tendency (MAFF) and sensitivity to rejection (MSR) scales. *Current Psychology*. 1994;13(2):97–116. DOI: 10.1007/BF02686794.